

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ КРЕСТ ИЗ ТАНАИСА

Лариса Юрьевна Нидзельницкая
Сергей Иванович Безуглов
ООО «OKN-проект», Ростов-на-Дону, Россия
sergbez@mail.ru

Аннотация. В 2002 г. в западной части древнего Танаиса, в раннесредневековом культурном слое был найден металлический нательный крест. Исключительность находки привлекла к ней особое внимание. Рассмотрение креста из Танаиса в кругу параллелей позволяет датировать его около VII в. н.э. и предполагать принадлежность к кругу несторианской культовой пластики. Нахodka в археологическом контексте имеет принципиальное значение для освещения проблемы позднего периода существования оседлой жизни на территории Недвиговского городища (Танаиса).

Ключевые слова: Нижний Дон, Танаис, Крым, раннее средневековье, нательный крест, несторианство

AN EARLY MEDIAEVAL CROSS FROM TANAIS

Larisa Yu. Nidzelnitskaya
Sergey I. Bezuglov
OKN-project Ltd, Rostov-on-Don, Russia
sergbez@mail.ru

Abstract. In 2002, a metal pectoral cross was discovered in an early medieval cultural layer in the western area of ancient Tanais. This unique find attracts particular attention. From the comparative analysis of the Tanais cross with its parallels there are reasons to date the artefact in question from the seventh century and to hypothesize that it belongs to the Nestorian cult sculpture tradition. This find in the archaeological context is of fundamental importance for shedding light on the late period of sedentary life in the area of the settlement of Nedvigovskoe (Tanais).

Keywords: Lower Don Area, Tanais, Crimea, Early Mediaeval Period, underwear cross, Nestorianism

В 1998–2002 гг. к западу от цитадели Недвиговского городища (Танаиса) был заложен и впоследствии расширен новый раскоп, получивший порядковый номер XXIII (рис. 1–2)¹. За эти годы здесь было вскрыто в общей сложности 810 м². Помимо следов жизнедеятельности античного времени, здесь были обнаружены необычные для Танаиса остатки каменных сооружений и археологический материал эпохи раннего средневековья. Итоги этих работ с соответствующим комментарием были опубликованы в 2007 г. [14, с. 193–214]. К сожалению, при обилии выразительных керамических материалов, металлических изделий здесь практически не было.

Единственной яркой раннесредневековой находкой из металла, найденной в пределах раскопа XXIII, стал небольшой нательный крестик². В публикации 2007 г. была указана близость абриса креста из Танаиса изображению на литейной формочке из Херсонеса³, а также крестам, изображенным на щитках больших крымских поясных пряжек [14, с. 194, 202, рис. 6.12].

После 2002 г. полевые работы на раскопе XXIII не проводились. Лишь с 2021 г. раскопки на т.н. «западном пригороде» Танаиса были возобновлены совместной экспедицией МГУ и ЮФУ под руководством Т. В. Егоровой⁴. Здесь был заложен новый раскоп XXXVI, распо-

¹ Работы на этом участке проводились по инициативе С. М. Ильяшенко с целью уточнения городской структуры Танаиса.

² Инв. № АМЗТ КП279/АГ96/309. Выражаем искреннюю признательность главному хранителю музея-заповедника «Танаис» Д. С. Айдинян за помощь в работе с материалом.

³ В публикации 2007 г. ошибочно указано, что херсонская формочка изготовлена из камня [14, с. 202]. Впоследствии эта неточность была исправлена [13, с. 264].

⁴ Искренне признательны Т. В. Егоровой за возможность ознакомиться с результатами ее работ 2021–2024 гг.

ложенный в 36 м к востоку от интересующего нас раскопа ХХIII (рис. 2)⁵. На новом раскопе также выявлены сооружения и материалы раннесредневекового времени, полностью аналогичные обнаруженным на раскопе ХХIII [напр.: 4, с. 38–41, рис. 16, 195–226].

По прошествии многих лет и в связи со вновь полученными материалами, мы решили, что в публикации 2007 г. крестик рассмотрен все же недостаточно тщательно и заслуживает большего внимания. Это обстоятельство и позволило нам обратиться к теме, вынесенной в заглавие.

Крестик был обнаружен в грунте вне построек, в 1,8 м к западу от юго-западного угла раннесредневекового помещения 15 (рис. 3) [14, с. 194]. Он отлит из довольно мягкого металла серого цвета и в незначительной степени поврежден мелкими очагами коррозии, внешне более всего схожими с т.н. «оловянной чумой». Крест равносторонний, грубоватый, с расширяющимися лопастями, три из которых (кроме верхней, с петлей для подвешивания) на концах завершаются округлыми «капельками». По периметру каждой лопасти – валик; от концов лопастей внутрь их плоскости такими же валиками моделированы треугольные фигуры, увенчанные выпуклой точкой. Выпуклиной оформлена и центральная часть крестика. Петелька для подвешивания уплощенная, перпендикулярна плоскости креста. Размеры – 2,9×2,9 см, высота петли – 0,5 см (рис. 4, I)⁶.

Контекст вещи. Для Нижнего Дона крестик из Танаиса – находка необычная. Насколько нам известно, ничего подобного доныне здесь найдено не было. Поэтому в обзоре возможного источника поступления вещи в район донского устья мы в первую очередь обращаем взор в сторону Крыма – важнейшего пункта ромейского влияния, распространения христианства и христианской культовой атрибутики во всем нынешнем южнорусском регионе на протяжении многих веков, вплоть до развитого – позднего средневековья.

Следует сразу оговорить, что еще в ходе предварительной работы мы решили исключить некоторые линии сопоставлений иконографии креста. Прежде всего, это резьба по камню на архитектурных элементах, а также изображения крестов с расширяющимися лопастями и кружочками-«капельками» на концах на предметах из других материалов (например, стекло из могильника Мощевая балка на Северном Кавказе [5, с. 352, рис. 220, а–б]). Для наглядности мы отдаляем предпочтение предметам мелкой металлической пластики – в первую очередь, собственно крестам и формам для их изготовления.

Раннесредневековым крестикам Крыма посвящено несколько специальных работ [25, с. 101–104; 19, с. 151–182; 20, с. 62–68; 9, с. 64–80; 10, с. 155–158]⁷, в которых собрано большое количество сведений о находках, их типологии, хронологии, археологическом контексте. Но крестов, близких обнаруженному в Танаисе, в крымских находках поныне неизвестно. Тем выразительнее его сходство с негативным изображением на бронзовой литейной формочке (рис. 4, 2, 2a), найденной при раскопках Херсонеса еще в 1966 г. (2,9×2,9 см – Танаис, 2,8×2,8 см – Херсон). Т. Ю. Яшаева, впервые издавшая херсонскую формочку и поднявшая ее из безвестности [25, с. 102–103, рис. 1, 5], специально указала, что собственно крестиков, соответствующих данной форме, в Херсоне до сих пор не найдено. Здесь же она отметила и очевидную параллель кресту из формочки – тисненые изображения на щитках больших крымских поясных пряжек, которые и позволяли датировать форму в пределах VII в. [25, с. 103].

Спустя много лет херсонская формочка вновь стала объектом исследования [22, с. 653–656; 23, с. 153–157]. Анализом металла было установлено, что в форме, скорее всего, отливали крестики из серебра [22, с. 655; 23, с. 154]⁸. Крестов, соответствующих форме, за срок, истекший со времени первого ее издания, в Крыму так и не обнаружено. Можно заключить,

⁵ Важно отметить, что раскопы ХХIII и XXXVI полностью располагаются на территории современных усадеб (огородов) хутора Недвиговка. Этим объясняются многие особенности проведения полевых работ, местоположение и конфигурация раскопов. В публикации 2007 г. это обстоятельство оговорено, но недостаточно отчетливо [14, с. 193].

⁶ Рисунок креста выполнен Н. Е. Беспалой, фото – С. И. Безугловым.

⁷ Пользуемся случаем выразить самую искреннюю благодарность Т. Ю. Яшаевой и Э. А. Хайрединовой за помощь в работе и предоставленные иллюстративные материалы высокого качества.

⁸ Важно отметить, что в обеих публикациях 2023 г. специально указано, что матрица на другой (оборотной) стороне херсонской формочки использовалась для отливки маленьких свинцовых крестиков, подобных найденным в могильнике у с. Лучистое в хронологическом контексте VIII столетия [22, с. 656, рис. 2, а–в; 23, с. 154].

что кресты этой схемы, по крайней мере, в Херсоне, производились, но были редкими в сравнении с другими близкими по времени типами, тщательно собранными и описанными Э. А. Хайрединовой [19, с. 151–169, рис. 1–8].

Целая серия находок, близких крестику из Танаиса и крымской форме, обнаружена очень далеко от Крыма и всего южнорусского Причерноморья – Приазовья. Так, крестик, в мелких деталях соответствующий херсонской форме (рис. 5,1), происходит из коллекции киргизского исследователя и коллекционера А. М. Камышева (г. Бишкек)⁹. У него отсутствует ушко; в одной лопасти проделано отверстие для подвешивания¹⁰. Из Киргизии происходит еще несколько очень близких крестиков (рис. 5,2; коллекция В. Г. Кошевара – рис. 5,3 [17, с. 45, рис. I,5–6]). Рассматриваемые нами предметы являются лишь одной из разновидностей целой серии разнообразных христианских крестиков, обнаруженных в Киргизии [17, с. 46–48, рис. I,1–17; II,1–10; 6, с. 93–95, фото 9–10].

Из важных, но типологически более удаленных среднеазиатских параллелей кресту из Танаиса, следует назвать нательный крестик из женского погребения некрополя Красная речка в Киргизии (рис. 5,4), а также крестик с одной утраченной лопастью из частной коллекции в Бишкеке (рис. 5,5 [6, с. 76, рис. 27, фото 10,6]).

Помимо киргизских находок, наиболее близких к рассматриваемым нами, образцы мелкой христианской культовой пластики встречаются и в других областях Средней Азии. Это крест, найденный в 1946 г. на городище Афрасиаб [18, с. 166, рис. 72,2], керамическая форма для отливки нательных крестиков, найденная в 1993 г. в слое VII в. на Эрк-кале (Старый Мерв, Туркмения) (рис. 5,6) [15, с. 39].

Мы не ставили перед собой задачу составить свод менее или более удаленных среднеазиатских параллелей находкам из Танаиса и Херсона; без работы с живым материалом это невозможно. Мы хотели лишь обозначить возможную линию сопоставлений в образах, которые нам представляются довольно убедительными.

Разные авторы по разному оценивают христианские древности Средней Азии. Одни определенно связывают их с наследием несторианских общин, разбросанных в свое время в различных регионах Азии вплоть до Дальнего Востока, другие более осторожно считают, что они могли принадлежать различным восточнохристианским сообществам. Это отдельная, большая тема, слабыми звенями которой являются острый дефицит сведений об археологическом контексте и, соответственно, недостаточная аргументация датировок рассматриваемых объектов.

Для нас важно другое. Среднеазиатские параллели, с учетом херсонской формочки, могут свидетельствовать о том, что крестик из Танаиса может представлять собой *одну из многочисленных* разновидностей культовой металлоконструкции несторианского круга¹¹. С точки зрения константинопольского православия это атрибут, безусловно, еретический. Таким вещам проще было появиться и в ромейском, но все же значительно удаленном от метрополии

⁹ Сразу следует отметить, что провенанс киргизских находок весьма своеобразен. Значительная часть опубликованных вещей происходит из нескольких частных коллекций. Некоторые из них определенно привязаны к конкретным известным археологическим памятникам, для других точных данных о месте находки нет. Несомненным является лишь то, что все эти вещи местные и найдены на территории Киргизии. При отсутствии других данных, мы вынуждены доверяться этой информацией.

¹⁰ Было ли ушко у крестиков, вышедших из херсонской формы – вопрос. Форма имеет довольно крупный в своем масштабе литник. Скорее всего, из металла, оставшегося в нем после отливки, можно было изготовить и ушко. А можно было, убрав литник, обойтись и без него. Да и без осмотра крестика из коллекции Камышева в оригинале нельзя уверенно говорить о том, что ушка у него не было изначально. Оно могло быть утрачено при использовании вещи. По имеющейся картинке понять это невозможно. А попасть в киргизский Бишкек и получить доступ к вещи в существующих условиях, мягко говоря, сложно.

¹¹ Следует упомянуть и крестик той же схемы, происходящий из собрания краеведа из Карабаево-Черкесии (пос. Малокурганный) С. Д. Мастепанова (рис. 5,6) [8, с. 187, рис. 3,8]. Извавший его коллекцию С. Н. Малахов обозначил круг параллелей кресту Мастепанова, в который он включил и рассматриваемую нами находку из Танаиса, и бронзовую форму из Херсона, и керамическую форму из Мерва, а также (со ссылкой на исследователей из Средней Азии) обозначил связь этой формы «с несторианским присутствием в этом регионе с VIII по середину XIV в.» [8, с. 191].

Крыму, и уж тем более в окруженному дикой степью устье Дона. Вряд ли здесь могли иметь значение тонкие и малопонятные богословские коллизии о соотношении человеческого и божественного во Христе, отступление от которых в крупных имперских центрах могло самым пагубным образом оказаться на судьбах приверженцев еретических направлений.

Дата. Условия находки крестика не оставляют сомнений в его принадлежности открытому на раскопе XXIII раннесредневековому культурному комплексу. Но аргументированных оснований к определению узких дат его составляющие не дают (см. ниже). В публикациях, посвященных раннесредневековым древностям раскопа XXIII, их дата *предварительно* была определена как VII – первая половина VIII в. [14, с. 202], либо как вторая половина VII – первая половина VIII в. [13, с. 266]. При отсутствии к настоящему моменту принципиально новых материалов к датировке креста (в том числе и в новых работах Т. В. Егоровой 2021–2025 гг.), важнейшим хронологическим репером для него (как и для херсонской формы) остаются упомянутые выше большие пряжки с тиснеными крестами на щитках (рис. 4,3–5). Серия комплексов, комбинирующих эти пряжки с другими выразительными в хронологическом отношении вещами, позволяет относить их либо к рубежу VI–VII вв. [21, с. 310, 313], либо ко второй половине VI – первой четверти VII в. [22, с. 656; 1, с. 274, рис. 172–174]¹². Эти даты мы считаем главным хронологическим ориентиром для танаисского креста. Специально подчеркнем: *именно ориентиром*. Это значит, что, несмотря на поразительное сходство изображений¹³, не следует непосредственно переносить дату пряжек на крестики. Именно поэтому мы избегаем указания дат в жесткой цифровой форме.

Археологический контекст. Раннесредневековый культурный комплекс, открытый на раскопе XXIII, неоднократно являлся предметом специального рассмотрения [11, с. 326–338; 14, с. 193–214; 13, с. 261–266, рис. 2–8]. Сейчас мы отметим лишь несколько обстоятельств, важных для освещения рассматриваемого нами сюжета.

Слой, исследованный в пределах раскопа XXIII, помимо раннесредневековых остатков, содержал значительное количество материала времени античного Танаиса (II в. до н.э. – III в. н.э.). Иногда среди керамического боя (особенно в лепных категориях) разграничить их практически невозможно. Поэтому в первую очередь мы уделяем внимание группам материала, принадлежность которых раннесредневековому культурному комплексу бесспорна. Это амфорная тара (рис. 6,1–4) [11, с. 329–331, рис. 1,1–4; 2,1–6; 14, с. 197–198, рис. 5,1–4; 6,1–9; 13, с. 261–264, рис. 2,1–4; 3,1–7,9–13], гончарные кувшины «скалистинского» типа (рис. 7,1–2) [14, с. 198, рис. 7,1–7], выразительные образцы гончарной керамики и горшков с линейным и волнистым орнаментом (рис. 7,3–4) [14, с. 200–201, рис. 8,3,5,7], котлы с внутренними ушками (рис. 8,1–2) [14, с. 199–200, рис. 9,3–5], а также лепная посуда из закрытых комплексов (ям). Как правило, эти керамические изделия имеют довольно расплывчатые даты, в целом не противоречащие заданному хронологическому ориентиру.

Особо отметим лишь несколько наблюдений за составом обнаруженной на раскопах XXIII и XXXVI¹⁴ амфорной тары. Ей посвящена отдельная работа одного из авторов настоящей заметки [13, с. 261–264]. В исследовательском обиходе прочно утвердилось мнение А. Л. Якобсона о том, что амфоры, близкие рассматриваемым нами, являются продукцией «общирного местного производства», а «различия между ними не велики и не резки, больше наблюдается черт сходства, что и позволило нам говорить о вариантах, а не о различных типах». При этом «амфоры всех трех вариантов сосуществовали... Общая дата их – VIII–IX вв.» [24, с. 29, 32].

По поводу «причерноморских амфор VIII–IX вв.» в свое время возникли вопросы: насколько все они причерноморские и насколько справедлива их датировка лишь в пределах VIII–IX вв.

¹² Нами приведены лишь частные наглядные примеры крымских пряжек из могильника Лучистое. На самом деле, их много на разных памятниках.

¹³ С учетом возможной принадлежности несторианской традиции крестика из Танаиса и негатива из херсонской формочки, может возникнуть вопрос – не связаны ли с несторианской иконографией и похожие на них изображения на крымских пряжках? Увы, у нас нет реальных оснований для ответа. Умозрительно – скорее нет.

¹⁴ Данными о находках на раскопе XXXVI в 2021–2025 гг. мы пользуемся с разрешения автора раскопок Т. В. Егоровой.

Рассмотрение проблемы позволило предполагать, что амфоры, подобные найденным в Танайсе, принадлежат общеимперским типам и вошли в широкое употребление значительно раньше VIII столетия [13, с. 266, 274, 280; с тем же выводом годы спустя: 2, с. 200].

Позволим себе небольшое отступление от основной темы. Нам оно представляется важным и уместным в силу того, что раннесредневековая амфорная тара в поселенческих находках степного Подонья встречается часто и, на наш взгляд, может служить более тонким культурно-хронологическим показателем, чем допускалось ранее.

Важный момент – среди амфорного материала, обнаруженного на раскопах ХХIII и XXXVI поныне **нет ни одного фрагмента желобчатых амфор** (вариант 2 у А. Л. Якобсона [24, с. 31]).

При исследовании некоторых поселений на Таманском полуострове около 10 лет назад было открыто несколько амфорных «складов». Очевидно, изначально это были довольно обширные и сравнительно неглубокие округлые ямы, в которых были плотно установлены амфоры (в значительной части, вверх дном). Эти комплексы представляют огромный интерес с точки зрения комбинации представленных в них разновидностей; они заслуживают отдельной публикации и самого тщательного анализа. Сейчас нас интересуют лишь несколько примеров, частные детали, соприкасающиеся с основной нашей темой.

Поселение «Волна I» (5 км к югу от ст. Тамань, северное подножие горы Зеленской). Раскопки 2015 г., раскоп XVIII, квадрат 64. Здесь обнаружено компактное скопление амфор (36 экз.), сильно разнящихся по составу глины (цвет, примеси, толщина и массивность стенок), морфологии (практически гладкие, со слабо выраженной ребристостью, желобчатые; абрисы доньев, ручек и венчиков). Без сомнения, изготовлены они в различных центрах; для нас важно, что среди этого разнообразия закрытого комплекса **нет ни одной амфоры с зональным рифлением**.

Раскопки 2015 г., раскоп XVIII, квадрат 74. Здесь по кругу (очевидно, по периметру ямы) лежали 8 амфор и красноглиняная фляга (баклажка). Амфоры, как и в описанной выше находке, представляют несколько разновидностей (от гладких до резко желобчатых) из разной глины. *Амфор с зональным рифлением здесь также нет*.

Поселение «Балка Лисовицкого 1, 4» (4,6 км к северо-востоку от Тамани). Раскоп 2, комплекс 22. По большей части вверх дном – 30 желобчатых амфор [3, с. 51–61, рис. 1511, 1742–1745, 2099–2132]¹⁵. *Амфор с зональным рифлением нет*.

Раскоп 2, комплекс 75. 16 желобчатых амфор; *экземпляров с зональным рифлением нет* [3, с. 123–128, рис. 14, 312–315, 770, 771–781].

Раскоп 2, комплекс 34. 7 амфор «овоидной» формы с зональным рифлением; *желобчатых экземпляров нет* [3, с. 100–102, рис. 631–641].

Раскоп 3, комплекс 20. Рядом лежали 2 амфоры: «овоидная» с зональным рифлением по плечам и *желобчатая*; следов ямы вокруг них не прослежено [3, с. 49–50, рис. 2092–2095].

Мы перечислили только крупные скопления. На деле их ощущимо больше и на поселении «Волна I», и, особенно, на поселении «Балка Лисовицкого 1, 4». По таманским материалам выходит, что желобчатые и рифленые густой гребенкой (по большей части, по плечам) амфоры иногда все же встречаются в *закрытых комплексах* вместе, но редко и как-то не очень убедительно. Желобчатые амфоры нередко встречаются с выразительными образцами керамики (и лощеной, и кухонной) зрелого салтовского облика. Амфоры же с зональным рифлением (особенно с выраженной «глобулярностью»), в большинстве своем принадлежат более ранней эпохе. К таким же выводам на фанагорийских материалах (с привлечением очень обширного археологического контекста) пришли в своей работе Л. А. Голофаст и П. А. Евдокимов [2, с. 199]¹⁶.

¹⁵ Благодарим автора раскопок Ю. К. Гугуева за возможность ознакомиться с материалами его раскопок.

¹⁶ В проблеме же указания дат абсолютных, в свете современных требований и иллюстративных возможностей, совершенно необходим пересмотр и тщательный анализ многократно упоминаемых базовых комплексов, а также современный квалифицированный комментарий к обнаруженному в них нумизматическому материалу с его воспроизведением. Без этого вопрос о конкретных датах будет двигаться по кругу и сохранит значительный элемент сослагательности.

В этой связи установленный ранее «досалтовский» возраст раннесредневекового горизонта на раскопе XXIII получает дополнительные аргументы. В его датировке обозначено и VIII столетие, но оно присутствует там как допуск, стремление избежать хронологической ошибки.

Важно отметить находку ямы с амфорой того же типа и, несомненно, того же времени на поселении «Мартыново 1», расположеннном в 3 км к востоку от Танаиса, в сходной топографической ситуации – у края коренного берега дельты Дона (рис. 8,3) [12, с. 468–469, рис. 3]. Амфоры с зональным рифлением встречены и в других районах Подонья – иногда на поселениях с немногочисленными датирующими вещами, видимо, еще конца V – VI в. [7, с. 145–169, рис. 5,4,6; 30,1; 24,6], иногда без надежных хронологических определителей [16, с. 215–226, рис. 2,1–16; 11,1–6]¹⁷. Более пристальный, дифференцированный подход к анализу материала позволяет предполагать наличие среди донских бытовых памятников, суммарно относимых ранее либо к «VIII–IX вв.», либо к «салтово-маяцкой культуре», более ранних поселений, соответствующих «темным векам»¹⁸.

Таким образом, мы можем констатировать наличие в западной части Танаиса¹⁹ в обозначенном выше хронологическом диапазоне *пункта оседлой жизни*, население которого практиковало сооружение небольших построек на каменных основаниях, заметный импорт из византийских владений каких-то товарных позиций, заключенных в амфорную тару, а также гончарной посуды крымского производства. Одним из элементов ромейского присутствия здесь (хотя и очень своеобразным) можно считать и рассмотренный нами нательный крестик²⁰.

¹⁷ Предложенная автором дата (IX в.) не аргументирована [ср.: 13, с. 266–272].

¹⁸ В силу специфики рассмотренного нами сюжета за его рамками остается вопрос о соотношении бытовых памятников и степных кочевнических погребений Подонья, относящихся к VI–VII вв. Это отдельная сложная тема.

¹⁹ По любезному сообщению С. М. Ильяшенко, находки амфорных фрагментов с зональным рифлением на ограниченной рвами территории Недвиговского городища (цитадели Танаиса) до настоящего времени неизвестны.

²⁰ Раннесредневековый культурный комплекс, открытый в Танаисе, очень важен для освещения проблемы континуитета и хронологии позднего периода существования города. Развитие взглядов на период окончательного запустения Танаиса, прекращения здесь оседлой жизни и его причин за последние 170 лет (считая со времени экспедиции П. М. Леонтьева, проведенной в 1853 г.) может составить специальный исследовательский сюжет. Здесь и сейчас не место его рассматривать.

Рис. 1. Местоположение Недvigовского городища (Танаиса) на схеме Ростовской области

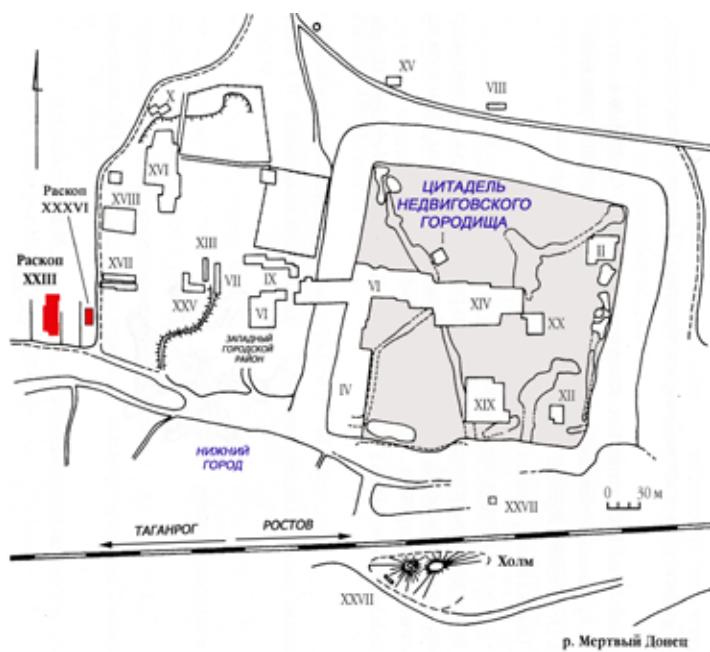

Рис. 2. Расположение раскопов XXIII и XXXVI на схеме Танаиса

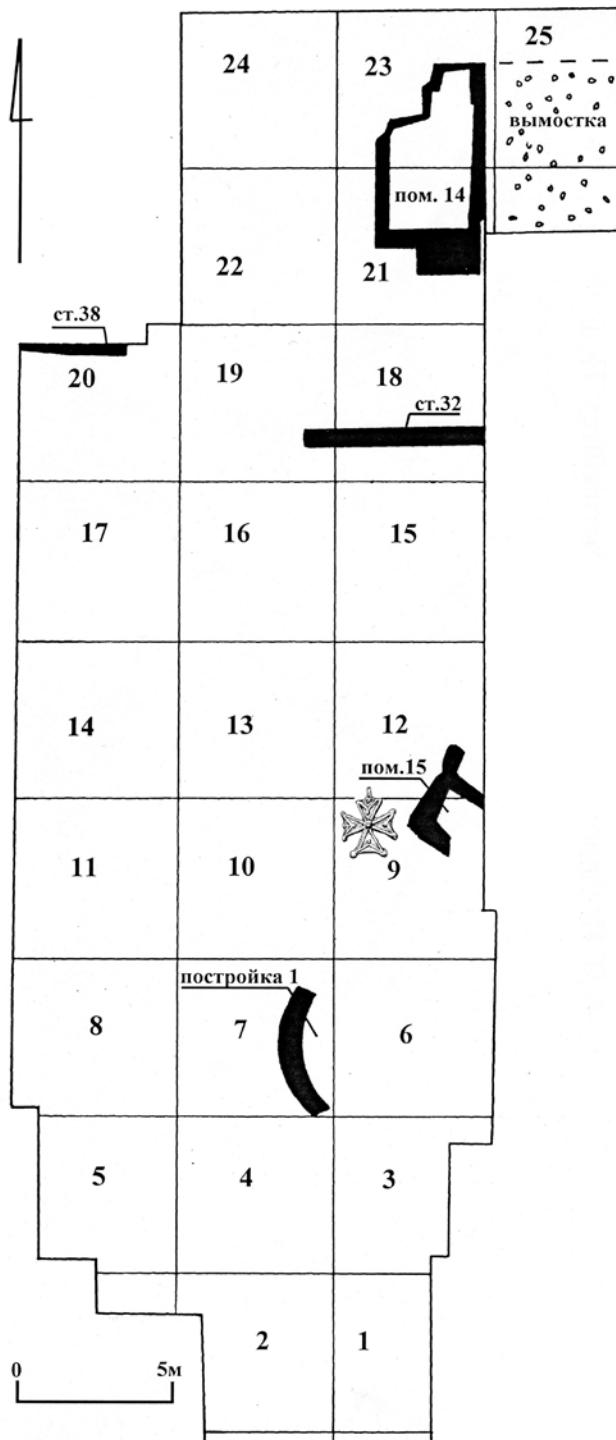

Рис. 3. Схема раннесредневековых построек на раскопе XXIII с указанием места находки нательного креста

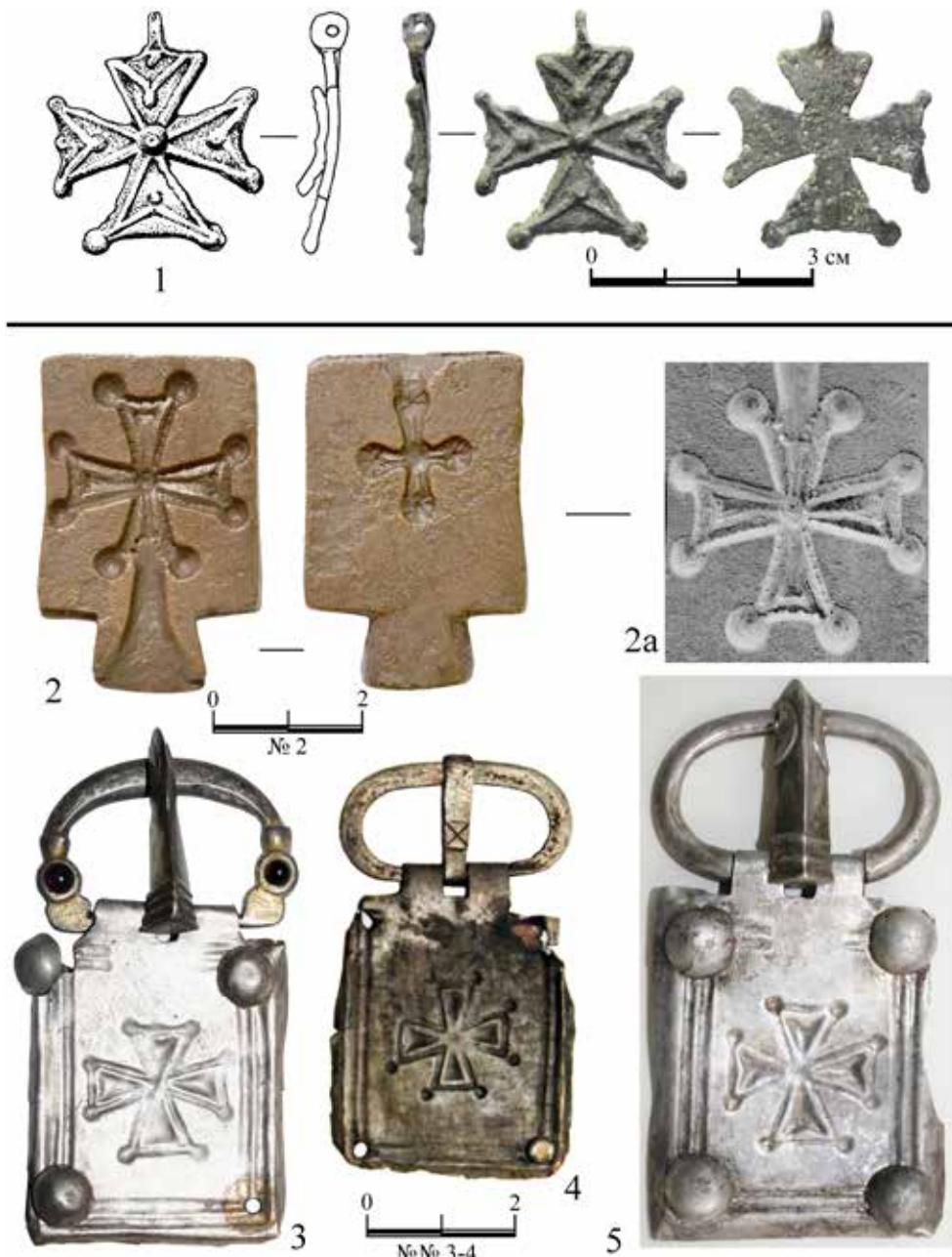

Рис. 4. Крест из Танаиса и его крымские параллели
 1 – Танаис-2002, раскоп XXIII, квадрат 9, металлический нательный крест.
 Рисунок и фото; 2, 2а – Херсонес-1966, литейная форма (2а – без масштаба,
 [по: 22, рис. 1,а–г]); 3 – Лучистое, склеп 77, погр. 1 [по: 21, рис. 9,4; 4 – Лучистое,
 склеп 104 [по: 1, рис. 172,10], фото Э. А. Хайрединовой; 5 – Лучистое, склеп 268, погр. 7
 [по: 21, рис. 7,1]

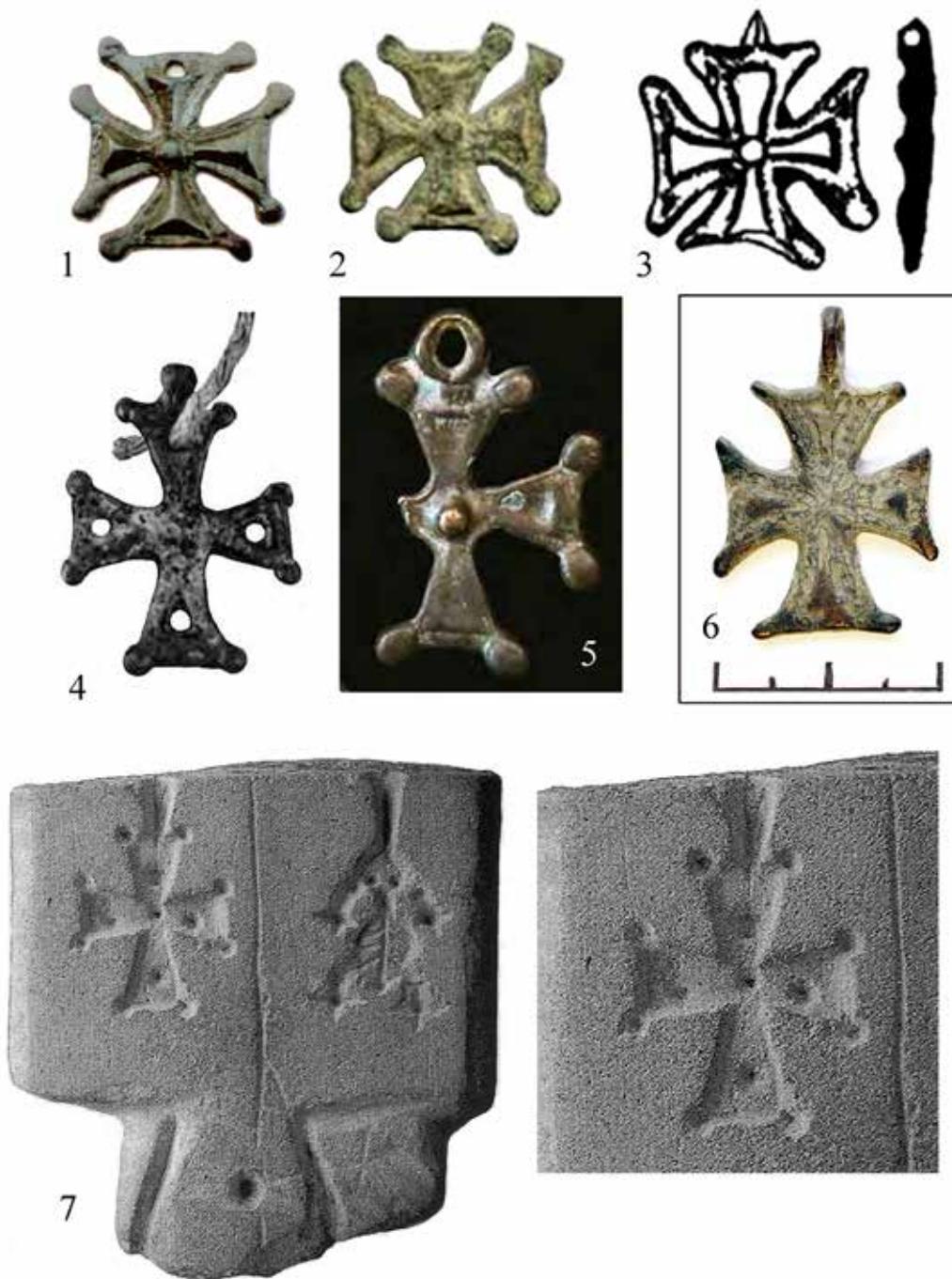

Рис. 5. Крестики и формы для их отливки из Средней Азии и с Кавказа

1–3 – Киргизия, коллекции А. М. Камышева и В. Г. Кошевара;

4 – Киргизия, могильник Красная речка, женское погребение;

5 – Киргизия, «частные коллекции г. Бишкек»; 6 – коллекция С. Д. Мастепанова

(Карачаево-Черкесия); 7 – Туркмения, Эрк-кале (Старый Мерв)

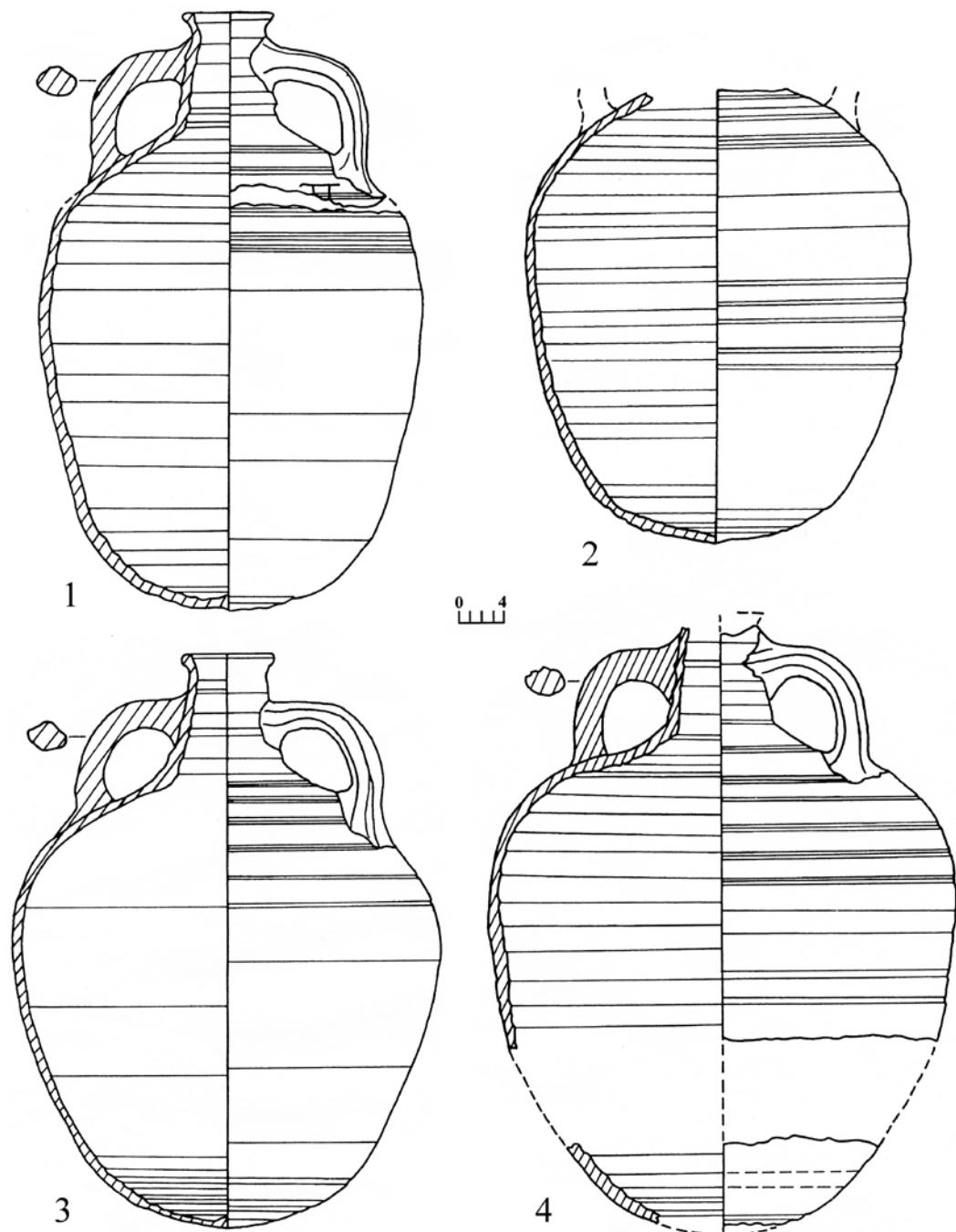

Рис. 6. Танаис, раскоп XXIII. Амфоры «с мелким зональным рифлением» (образцы)

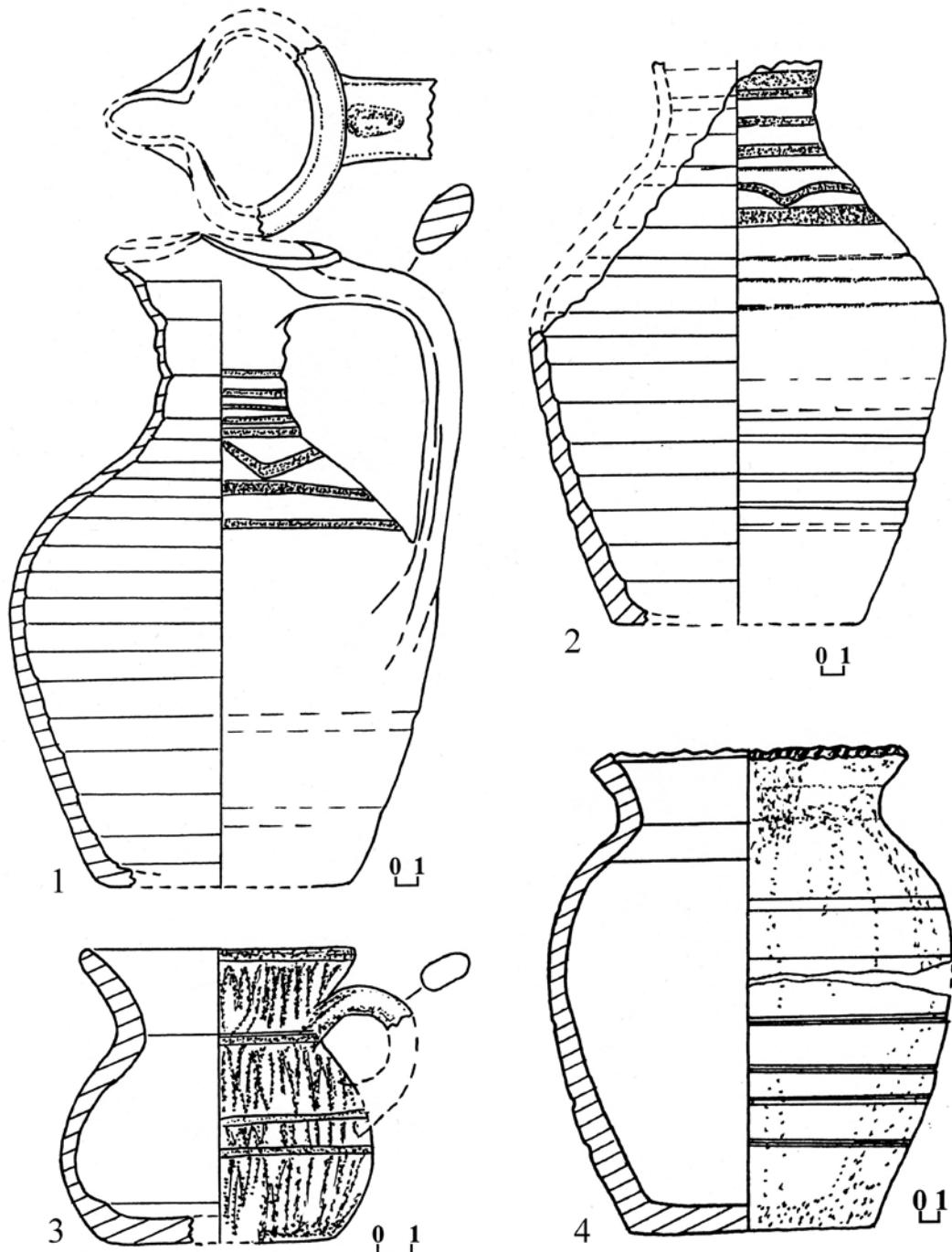

Рис. 7. Танаис, раскоп XXIII. Раннесредневековая керамика:
1–2 – кувшины «скалистинского» типа; 3 – лощеный кувшинчик;
4 – горшок с линейным орнаментом

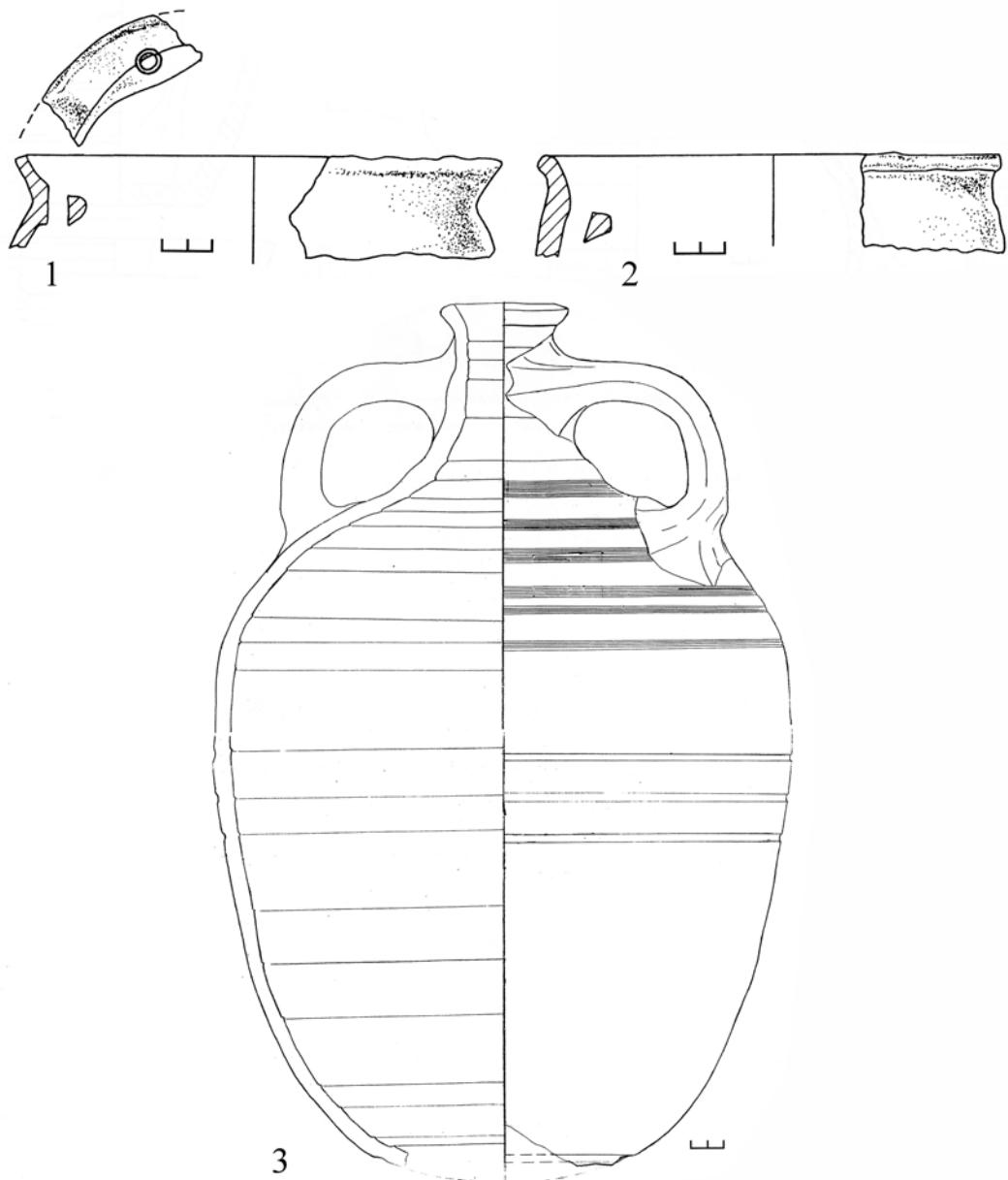

Рис. 8. Керамика из Танаиса и его окрестностей

1–2 – Танаис, раскоп XXIII, фрагменты лепных котлов с внутренними ушками;
3 – Мартыново I, шурф 2002 г. Амфора с зональным рифлением из ямы 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айаббин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
2. Голофаст Л.А., Евдокимов П.А. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 186–216.
3. Гугуев Ю.К. Отчёт о раскопках поселения «Балка Лисовицкого 1, 4» в Темрюкском районе Краснодарского края в 2016 году. СПб., 2017 // Научный архив Института археологии РАН.
4. Егорова Т.В. Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Танаис» в хуторе Недвиговка в Мясниковском районе Ростовской области в 2023 г. М., 2024 // Научный архив Института археологии РАН.
5. Иерусалимская А.А. Мощевая балка. Необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.
6. Кольченко В.А. Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том IV. Христианство / Отв. ред. А. Искандерова. Самарканд: МИЦДАИ, 2018. С. 48–103.
7. Ларенок П.А., Цыбрай С.В., Цыбрай А.В. Раннесредневековый комплекс поселения Терновое III (по материалам раскопок 2004 г.) // Археологические записки. Вып. 7 / Ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону, 2011. С. 139–169.
8. Малахов С.Н. Средневековые энколпионы и кресты-тельники из Верхнего Прикубанья // Древности Западного Кавказа. 1 / Отв. ред. Н.Е. Берлизов. Краснодар, 2013. С. 183–194.
9. Маstryкова А.В. О находках металлических крестов на средневековом могильнике Горзувиты (Южный берег Крыма) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 64–80.
10. Маstryкова А.В. Предметы христианского культа из раннесредневекового некрополя Горзувиты // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. XI Международный Византийский Семинар: Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019а. С. 155–158.
11. Нидзельницкая Л.Ю. Раннесредневековая керамика из западного пригорода Танаиса // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов, 2002. С. 326–338.
12. Нидзельницкая Л.Ю. Новые данные к датировке поселения «Мартыново-І» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып. 20 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов, 2004. С. 466–476.
13. Нидзельницкая Л.Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (по материалам донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скіфо-античное и хазарское время / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону: Медиа-полис, 2009. С. 257–282.
14. Нидзельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М., Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 193–214. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).
15. Никитин А.Б. К истории христианства в Мерве // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества / Ред. В.Н. Залесская. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 37–41.
16. Прокофьев Р.В. Поселение IX в. на левобережье Северского Донца и вопрос о проникновении славян в Нижнее Подонье // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М., Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 215–239. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).
17. Ротт Ф.Г. Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1 / отв. ред. В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт. Бишкек: Илим, 2005. С. 44–51.
18. Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII. С. 152–169.
19. Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из юго-западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 151–182.
20. Хайрединова Э.А. Парадный убор жительницы раннесредневекового Дороса (по находкам из Тешк-ли-бурунского клада Мангупского городища) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 62–85.
21. Хайрединова Э.А. Детские погребения с большой пряжкой из Юго-Западного Крыма // Stratum plus. 2023. № 4. С. 306–323.
22. Хайрединова Э.А., Антипенко А.В., Яшаева Т.Ю. Средневековая литейная форма для изготовления крестов из Херсона // Российские нанотехнологии. 2023. Т. 18, № 5. С. 653–656.
23. Хайрединова Э.А., Антипенко А.В., Яшаева Т.Ю. Литейная форма для изготовления крестов из Херсона // IV Свято-Владимирские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 1035-летию Крещения Руси / Ред. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь, 2023. С. 153–157.
24. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
25. Яшаева Т.Ю. Формы для отливки крестов из раскопок Херсонеса // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Сборник научных трудов по материалам V Международной Крымской конференции по религиоведению. Севастополь, 2004. С. 101–104.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
2. Golofast L.A., Evdokimov P.A. On the Chronology of the Amphorae with Fine Corrugation Zones (According to the Excavations in Phanagoria). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 186–216.
3. Guguev Iu.K. Report on the excavations of the settlement “Balka Lisovitskogo 1, 4” in the Temryuk district of Krasnodar Krai in 2016. St. Petersburg, 2017. *Scientific Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*.
4. Egorova T.V. Report on archaeological excavations on the territory of the cultural heritage site of federal significance “Tanaïs Settlement” in the village of Nedvigovka in the Myasnikovsky district of Rostov Oblast in 2023. Moscow, 2024. *Scientific Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*.
5. Ierusalimskaya A.A. *Moshchevaya balka. Neobychnyi arkheologicheskii pamiatnik na severokavkazskom shelkovom puti* [Moshchevaya ravine. An unusual archaeological site on the North Caucasian Silk Road]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2012, 384 p.
6. Kol'chenko V.A. Medieval Christianity in Kyrgyzstan according to archaeological sources. A. Iskanderova (ed.), *Religii Tsentral'noi Azii i Azerbaidzhana. Tom IV. Khristianstvo* [Religions of Central Asia and Azerbaijan. Volume IV. Christianity]. Samarkand, 2018, pp. 48–103.
7. Larenok P.A., TSybrii S.V., TSybrii A.V. Early medieval complex of the Ternovoye III settlement (based on excavations in 2004). V.Ya. Kiyashko (ed.), *Arkheologicheskie zapiski* [Archaeological notes]. Vol. 7. Rostov-on-Don, 2011, pp. 139–169.
8. Malakhov S.N. Medieval encolpions and pectoral crosses from the Upper Kuban region. N.E. Berlizov (ed.), *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza* [Antiquities of the Western Caucasus]. Vol. 1. Krasnodar, 2013, pp. 183–194.
9. Mastykova A.V. On the Finds of Metal Crosses at the Medieval Burial Ground of Gorzuvity (The Southern Coast of Crimea). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 64–80.
10. Mastykova A.V. The Christian Cult Artefacts in the Early Mediaeval Cemetery of the Ancient Town of Gorzoubital. N.A. Alekseenko (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar* [11th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Simferopol, 2019, pp. 155–158.
11. Nidzelnitskaya L.Iu. Early Medieval Ceramics from the Western Suburb of Tanais. V.Ia. Kiiashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2003 g.* [Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2001]. Vol. 18. Azov, 2002, pp. 326–338.
12. Nidzelnitskaya L.Iu. New Data on the Dating of the Martynovo-I Settlement. V.Ia. Kiiashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2003 g.* [Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2003]. Vol. 20. Azov, 2004, pp. 466–476.
13. Nidzelnitskaya L.Iu. Byzantine amphoras with smooth bodies and zonal ornamentation of the 5th – early 9th centuries (based on materials from the Don museums). V.P. Kopylov (ed.), *Mezhdunarodnye otnoshenia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazariske vremia* [International relations in the Black Sea basin in the Scythian-ancient and Khazar times]. Rostov-on-Don, Media-polis Publ., 2009, pp. 257–282.
14. Nidzelnitskaya L.Iu., Ilyashenko S.M. Early medieval settlement on the territory of Tanais. Iu.K. Guguev (ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona* [Medieval antiquities of the Don]. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., 2007, pp. 193–214. (Materials and research on the archaeology of the Don. Vol. 2).
15. Nikitin A.B. On the History of Christianity in Merv. V.N. Zalesskaya (ed.), *Piligrimy. Istoriko-kul'turnaia rol' palomnichestva* [Pilgrims. The Historical and Cultural Role of Pilgrimage]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2001, pp. 37–41.
16. Prokof'ev R.V. The 9th-Century Settlement on the Left Bank of the Seversky Donets and the Question of the Slavic Penetration into the Lower Don Region. Iu.K. Guguev (ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona* [Medieval antiquities of the Don]. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., 2007, pp. 215–239. (Materials and research on the archaeology of the Don. Vol. 2).
17. Rott F.G. Crosses and Their Fragments from Southeastern Semirechye. V.A. Kol'chenko, F.G. Rott (eds.), *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and Research on the Archaeology of Kyrgyzstan]. Vol. 1. Bishkek, Ilim Publ., 2005, pp. 44–51.
18. Terenozhkin A.I. Sogd and Chach. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture]. 1950, vol. 33, pp. 152–169.
19. Khairedinova E.A. Early Medieval Crosses from the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 151–182.
20. Khairedinova E.A. Parade Attire of a Woman Residing in Mediaeval Doros (According to the Finds from the Teshkli-Burun Hoard). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 62–85.

21. Khairedinova E.A. Children's burials with a great buckle from the South-Western Crimea. *Stratum plus*, 2023, no. 4, pp. 306–323.
22. Khairedinova E.A., Antipenko A.V., Yashaeva T.Yu. Medieval casting mold for manufacturing crosses from Cherson. *Rossiiskie nanotekhnologii* [Nanobiotechnology Reports], 2023, vol. 18, no. 5, pp. 653–656.
23. Khairedinova E.A., Antipenko A.V., Yashaeva T.Yu. Casting Mold for the Production of Crosses from Cherson. V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Yu. Yashaeva (eds.), *IV Sviato-Vladimirskie chtenija. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 1035-letiu Kreshcheniya Rusi* [4th St. Vladimir Readings. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 1035th Anniversary of the Baptism of Rus']. Simferopol, 2023, pp. 153–157.
24. Yakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki* [Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.
25. Yashaeva T.Yu. Molds for Casting Crosses from Chersonesos Excavations. *Kul'tovye pamiatniki v mirovoi kul'ture: arkheologicheskii, istoricheskii i filosofskii aspekty. Sbornik nauchnykh trudov po materialam V Mezhdunarodnoi Krymskoi konferentsii po religiovedeniiu* [Religious Monuments in World Culture: Archaeological, Historical, and Philosophical Aspects. Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the V International Crimean Conference on Religious Studies]. Sevastopol, 2004, pp. 101–104.

Информация об авторах

Нидзельницкая Л. Ю. – главный археолог ООО «OKN-проект».

Безуглов С. И. – кандидат исторических наук, главный археолог ООО «OKN-проект»; Scopus ID: 57218325577.

Authors information

Nidzelnitskaya L. Yu. – chief archaeologist of OKN-project LLC.

Bezuglov S. I. – Candidate of Science (History), chief archaeologist of OKN-project LLC; Scopus ID: 57218325577.